

Беседа 13 **Социалистическая Россия: утопия или реальная возможность?**

(Политическое Завещание Второго вождя Октября)

Лев Троцкий подводит итоги

Итоги эти, надо прямо сказать, очень и очень печальные. Несколько десятилетий готовили революцию. Которая, как надеялись, свергнет феодально-капиталистический строй в России и положит начало строительству социализма, общества социального равенства, народовластия и гуманизма.

Да, конечно, на пути к желанной революции была масса невероятных трудностей и проблем. И – жестокие преследования царской полициейщины: мало кто из революционеров избежал арестов, каторги, многолетних ссылок в дикие места России. И – проблемы собирания сил для революции, выработки программ действий. Спорили до хрипоты, до изнеможения на своих революционных собраниях, ругались так, что искры летели, обвиняли подчас друг друга чёрти в чём. Сходились – расходились, дрались – мирились.

И вот, наконец, пришёл, как когда-то писал Добролюбов, этот «настоящий день», пришёл «праздник угнетённых» (это уже Маркс!) – Октябрь 1917 года. И – эта первая, пафосная, фраза вождя победителей: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!» А потом – менее пафосная, но не менее значимая: «Мы, партия большевиков Россию убедили. Мы Россию отвоевали у богатых для бедных. Мы должны теперь Россией управлять».

Сколько упований, сколько надежд! «Просто голова кружится», — говорил в день революционной победы один вождь (Ленин) другому (Троцкому).

И что же?

Прошло два десятка лет. Главный вождь, истощивший все свои силы в подготовке и свершении революции, а потом — в невероятно тяжёлой гражданской войне и в первые годы строительства новой

жизни, умер, увидев лишь первые, слабые проблески зари, как он был уверен, социализма. А при втором вожде эти «проблески» куда-то исчезли, и сам он оказался выброшенным с клеймом «врага народа» из родного отечества, и на чужбине с грустью подводил итоги процесса, который так, казалось, блистательно начинали в 1917 году: вместо социализма (такого желательного, такого замечательного строя) получили к 30-м годам нечто прямо противоположное, даже враждебное ему. Совершенно изменилась та партия, которая делала революцию: свободный союз единомышленников превратился в казарму, наполненную лишёнными свободы мысли и действия людьми, безвольно подчиняющимися воле и слову Диктатора. И все её прежние вожди, все основные члены ленинского руководства были ко второй половине 30-х годов опозорены и уничтожены. За исключением двоих – генсека Сталина, всемогущего, прославляемого на все лады Диктатора этой казарменной партии, и «врага народа» Троцкого, высланного из страны (о чем очень и очень сожалел впоследствии Диктатор: упустили!).

Вот тут уместно было бы вспомнить (только с другим смысловым наполнением) ленинскую фразу: «Просто кружится голова!».

Как это случилось? Почему это произошло? Что делать, чтобы идеи социализма, неизбежность которого доказана великим Марксом и не менее великими нашими соотечественниками – Чернышевским и Герценом, несмотря ни на что, всё-таки победили, потому что выше, чище и гуманней этих идей нет ничего? Вот все эти вопросы и стали предметом размышлений Льва Давидовича Троцкого, совокупность которых мы и назвали его «Политическим завещанием». И они подробно рассмотрены в его последнем фундаментальном труде с многоговорящим названием – «Преданная революция».

«Преданная революция»

Всмотреться, вдуматься в идеи этой работы так важно, так захватывающе интересно, ибо их излагает не какой-то ординарный политик, рядовой исследователь, а человек необыкновенный, человек выдающийся.

Лев Давидович Троцкий – знаменитый революционер, второй (после Ленина) вождь Октября, руководитель вооружённых сил России, одержавших победу в гражданской войне, один из самых глубоких и блестящих теоретиков социализма. И особо подчеркнём: единственный из высшего руководства большевистской партии, кто не унизил себя пресмыкательством перед Сталиным – ни тогда, когда (в 1925-29 годах) все представители так называемой «ленинской гвардии» капитулировали перед Сталиным, униженно каясь в своих будто бы «ошибках» (а то и «преступлениях»), ни тогда, когда был выброшен из страны (1929 г.) и когда его со всех сторон окружали сонмы подосланных сталинских шпииков и убийц. Он тогда был единственным, кто дал открытый исторический бой сталинизму.

Его исключительная роль в победе Октября и в гражданской войне была общепризнана. Ленин в разгар гражданской войны написал на бланке председателя правительства: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений Троцкого, я настолько убеждён, в абсолютной степени убеждён, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемых тов. Троцким распоряжений, что поддерживаю эти распоряжения всецело. В. Ульянов-Ленин». И, протянув этот подписанный бланк Троцкому, добавил: «Я могу дать вам таких бланков сколько угодно, потому что ваши решения заранее одобряю. Вы можете написать на этом бланке любое решение, и оно уже утверждено моей подписью». А в своём знаменитом «Письме к съезду» Ленин назвал Троцкого «самым способным человеком в настоящем ЦК».

И Сталин в 1918 году (когда ещё не видел в Троцком главного конкурента в борьбе за руководящий пост в партии и потому сохранял ещё некоторую объективность) писал о Троцком, как об одном из главных вождей Октябрьской революции: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета т.Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому».

Многоговорящие оценки! Вот почему так захватывающе интересно вчитаться в его Завещание: как он, выдающийся революционер и знаменитый теоретик социализма, один из главных творцов Октября, оценивает то, что произошло с их (с Лениным) детищем и какие перспективы ждут его в будущем.

Вместе с тем, приступая к рассмотрению и оценки идей его Завещания, будем иметь в виду, что фигура Троцкого весьма противоречивая (на что, кстати, в своём политическом Завещании обращает внимание Ленин: «тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»). Поэтому нам надо быть готовыми к тому, чтобы видеть в Завещании Троцкого не только глубочайшие прозрения, но и слабые (иногда – очень слабые) стороны. Можно сказать, что Завещание Троцкого (как, впрочем, и всё его теоретическое наследие) – это сочетание «живой» воды и «мёртвой». Отсюда – важная (и сложная) задача: суметь отделить «живую» воду в его наследии от «мёртвой». И, отринув «мертвечину» в его взглядах, сохранить те исключительно плодотворные, живые ростки его идей, которые можно смело и с благодарностью к их автору включить в состав теории современного социализма.

Главное: Троцкий громко, категорически отказывается признать сложившийся к середине 30-х годов под сталинским руководством общественный строй **СОЦИАЛИЗМОМ**.

Это очень смело и очень ответственно! Это – фиксация краха Октябрьской революции, правда, как потом из комментариев Троцкого, выясняется – краха, по его мнению, временного. Оба эти тезиса – о «крахе» и о его «временности» требовали доказательств и пояснений.

"Социализма ещё нет и в помине»

Этим тезисом начинает Троцкий свой критический анализ. Показать и доказать это, убедить в этом граждан России было тем более

важно и сложно, что официальная советская пропаганда тех времён миллионными тиражами всех средств массовой информации вещала, вдалбливала в головы граждан: «Социализм в СССР построен!». «Мы построили социализм, — неслось из всех радиоточек. — Он — детище Ленина и продолжателя его дела великого Сталина. Сталин — это Ленин сегодня!». «В докладе на сессии ЦИК, а, в январе 1936 г., — пишет Троцкий, — председатель Совнаркома Молотов заявил: «народное хозяйство страны стало социалистическим (аплодисменты).¹ И ещё цитата из «Преданной революции»: «Возьмем теперь из свежего номера московской газеты стереотипную характеристику нынешнего советского режима, одну из тех, которые повторяются в стране изо дня в день и заучиваются наизусть школьниками: «В СССР окончательно ликвидированы паразитические классы капиталистов, помещиков, кулаков и тем самым навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком. Все народное хозяйство стало социалистическим, а растущее стахановское движение подготавливает условия для «перехода от социализма к коммунизму» (Правда, 4 апр. 1936 г.)»². Ну, а всех, кто это не признаёт, считать «врагами социализма», «врагами народа», и соответственно — уничтожать без всякой пощады.

Вот как раз всё это и не признаёт Троцкий. «В СССР, — пишет он, — социализма ещё нет и в помине»³.

Социализм, начинает свои размышления Троцкий, это, как известно, общество:

1. Социального равенства
2. Народовластия
3. Общественной собственности
4. Плановой (в интересах трудящихся) экономики
5. Гуманизма

В сталинском обществе, утверждает Троцкий, нет ни одного из этих признаков. Проследим внимательно, как он доказывает это.

Сталинизм как система вопиющего социального неравенства

Вступительный тезис: «Советское общество ... делится на обеспеченное и привилегированное меньшинство и прозябающее в

нужде большинство, причем на крайних полюсах неравенство принимает характер *вопиющих* контрастов»⁴. И дальше: «По размаху неравенства ... СССР не только догнал, но и далеко перегнал капиталистические страны!»⁵

Это, конечно, надо доказывать и доказывать убедительно. Но сделать это не так уж сложно: всё лежит на поверхности. Нужно только взглядеться в реальность широко открытым, не зашоренным, не запорошенным болтовнёй и трескотнёй сталинских оракулов взором. Факты вопиющего неравенства в положении господствующего слоя («бюрократии») и основной массы народа налицо и их множество. Троцкий приводит ряды таких фактов, цифр, свидетельств. Возьмём из этого множества лишь некоторые, но вполне достаточные, чтобы понять тенденции.

В СССР, пишет Троцкий различия в доходах «не ниже, а выше, чем в капиталистических странах... Различия в доходе определяются ... замаскированным присвоением продуктов чужого труда. **Привилегированное меньшинство акционеров живет за счет обделенного большинства**»⁶. «Когда новая конституция заявляет, что в СССР достигнуто «уничтожение эксплуатации человека человеком», то она говорит неправду. **Новое социальное расслоение создало условия для возрождения самой варварской формы эксплуатации человека**»⁷. «Формально, — пишет Троцкий, — ... блага открыты, конечно, всему населению, по крайней мере, городскому; на деле оно имеет доступ к ним лишь в виде исключения. Наоборот, бюрократия располагает ими по правилу, когда хочет и сколько хочет, точно предметами своего личного обихода. Если учесть не только жалованье, все виды натурального обслуживания и всякие полузаконные дополнительные источники, но и присоединить долю бюрократии и советской аристократии в театрах, дворцах отдыха, больницах, санаториях, курортах, музеях, клубах, учреждениях спорта и проч. и проч., то пришлось бы, вероятно, сказать, что **на долю 15, скажем 20%, населения приходится не многим меньше, чем на долю остальных 80-85%**»⁸. «Социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает партийный максимум,

отличается от положения коммуниста, работающего в угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 рублей в месяц»⁹.

И дальше: Под углом зрения собственности на средства производства разницы между маршалом и прислугой, главой треста и чернорабочим, сыном наркома и беспризорным, как бы не существует. Между тем одни из них занимают барские квартиры, пользуются несколькими дачами в разных местах страны, имеют в своем распоряжении лучшие автомобили, и давно забыли, как чистят собственные сапоги; другие живут в деревянных бараках, часто без перегородок, ведут полуголодное существование и не чистят сапог только потому, что ходят босиком»¹⁰.

«Промышленный план 1935 г., ... в отношении жилищного строительства он выполнен всего лишь на 55,7%, причем медленнее, хуже и неряшливее всего идет строительство домов для рабочих. Что касается колхозников, то те живут по-прежнему в старых избах с телятами и тараканами. С другой стороны, советская знать жалуется в печати на то, что не во всех заново выстроенных для нее домах имеются «комнаты для домашней работницы», т.е. для прислуги»¹¹.

«Характеризуя успехи советской промышленности, ленинградский представитель ЦК Жданов, при аплодисментах со стороны непосредственно заинтересованных слушателей, обещал, что через год «наши активисты будут приезжать на заседания не на нынешних скромных фордах, а на лимузинах». «Советская техника, — комментирует слова Жданова Троцкий, — ... направляет свои усилия прежде всего на удовлетворение повышенных потребностей избранного меньшинства... Себя самое бюрократия умеет прекрасно обслуживать и на земле, и на воде, и в воздухе, о чем свидетельствует большое число советских салон-вагонов, специальных поездов и пароходов, все больше заменяемых, впрочем, лучшими автомобилями и самолетами». И добавляет: а вот «уличные трамваи (средства передвижения «неизбранного большинства» — Г.В.) по-прежнему переполнены до удушья»¹².

«Одним из особенно ярких, чтоб не сказать вызывающих проявлений неравенства является открытие в Москве и других крупных городах особых магазинов с высококачественными

товарами, под очень выразительным, хотя и не русским названием «Люкс» (роскошь)»¹³ — это номенклатуре. Остальным гражданам (народу) — «маргарин и махорка»¹⁴, это «сегодня — печальная необходимость», ибо страна-де ещё очень бедна и деликатесов пока на всех не хватает, — объясняют, опустив в скорби очи долу, обслуживающие бюрократию газетные шелкопёры. «Но тогда, — замечает Троцкий, — незачем хвастать и прикрашивать действительность. Лимузины для «активистов», хорошие духи для «наших женщин», маргарин для рабочих, магазины -«люкс» для знати, вид деликатесов сквозь зеркальные витрины для плебса, — такой социализм не может не казаться массам новой перелицовкой капитализма»¹⁵. «Что поделаешь? — продолжают скорбно вздыхать «благополучные» граждане. — Страна бедна, на всех не хватает. Хватает лишь для избранных активистов и ответственных партийных работников». При этом очень важно понять, что эти «избранные» не просто отдельные успешные граждане, которым по тем или иным причинам «повезло» в жизни. Важно понять социально-классовую суть этих «избранных», всего этого чиновно-бюрократического сообщества. Понять социальную сущность бюрократии. Её частенько отождествляют с «волокитой», «начальственным высокомерием», чванством — такие вот забавные Победоносиковы, высмеянные Маяковским. Нет, замечает Троцкий, тут не до смеха, тут дело обстоит гораздо, гораздо сложнее. «В советской политической литературе, — пишет он, — можно нередко встретить обличения «бюрократизма», как некоторых дурных привычек мысли или приемов работы (обличения всегда направлены сверху вниз и являются приемом самозащиты верхов). Но чего нельзя встретить совершенно, это исследований о бюрократии, как правящем слое, об ее численности и структуре, об ее плоти и крови, об ее привилегиях и аппетитах, о поглощаемой ею доле народного дохода. Между тем она существует. И тот факт, что она так тщательно прячет свою социальную физиономию, свидетельствует, что у нее есть специфическое сознание господствующего «класса»¹⁶. Вот как: «господствующий класс», а не какая-то там горстка социальных паразитов, уютно устроившиеся в жизни. Вот на какой уровень анализа выходит Лев Давидович: **сталинское общество — это классово-**

антагонистическое общество. И «господствующий класс» («бюрократия») по своим идеалам и образу жизни очень напоминает «господствующие классы» буржуазного общества.

«По условиям жизни правящий слой заключает в себе все градации, от мелкой буржуазии захолустья до крупной буржуазии столиц. Материальным условиям соответствуют привычки, интересы и круг идей. Нынешние руководители советских профессиональных союзов, по своему психологическому типу, не так уж отличаются от Ситриных, Жуо и Гринов. Другие традиции, иная фразеология, но то же презрительно-опекунское отношение к массе, та же бессовестная ловкость во второстепенных маневрах, тот же консерватизм, та же узость горизонта, та же черствая забота о собственном покое, наконец, то же преклонение перед наиболее тривиальными формами буржуазной культуры. Советские полковники и генералы в большинстве своем мало чем разнятся от полковников и генералов пяти частей света и, во всяком случае, стараются как можно больше походить на них. Советские дипломаты переняли у западных дипломатов не только фрак, но и склад мыслей. Советские журналисты не меньше дурачат читателей, чем их иностранные коллеги, хоть и делают это на особый манер»¹⁷.

Хорошо закамуфлированное неравенство: «Исчислить, какую долю народного дохода присваивает себе бюрократия, нет никакой возможности. Не только потому, что она тщательно скрывает даже свои легализованные доходы; и даже не только потому, что, оставаясь на самой границе злоупотребления и часто переступая эту границу, она широко пользуется непредусмотренными доходами; но главным образом потому, что весь прогресс общественного благоустройства, городской техники, комфорта, культуры, искусства служит пока что главным образом, если не исключительно, верхнему, привилегированному слою»¹⁸.

Собственность и господствующее (бюрократическое) сословие

Вначале – о терминах. Троцкий по-разному называет бюрократию, эту господствующую социальную силу сталинского общества. Он словно ищет, словно нащупывает точное понятие, характеризующее социальную суть, социальный облик бюрократии. Он то называет её «сословием», то «социальным слоем», то (хотя и реже) «классом».

И – всё время как бы ощущает: это всё неточные, несовершенные, не отражающие суть термины: «сословие» — понятие феодального общества, «класс» — буржуазного. Понятие «слоя» — просто напросто лишено всякого социально-экономического содержания: ну, есть в обществе различные социальные общности, социальные группы, социальные слои — рабочие, крестьяне, интеллигенция и среди них – чиновная бюрократия. Выделение таких «слоёв» не требует особой теоретической проницательности. Такое деление очевидно, оно лежит на поверхности. «Сословие» и «класс», конечно, более содержательные категории и отражают какую-то сторону такого явления, как «бюрократия»: это – *господствующие* в обществе социальные образования, социальные меньшинства, присваивающие себе большую долю производимого обществом богатства (что, по сути, означает эксплуатацию меньшинством большинства). Но он понимает, что тут какая-то новая форма «присвоения», какой-то новый тип «эксплуатации». И потому старые термины, относящиеся к другим, прежним, эпохам, могут только запутать дело.

Да, Троцкий это понимает. Но нового понятия для определения нового, «бюрократического», типа господства он так и не находит, прибегая к варьированию, повторению старых, не вполне удовлетворяющих его самого, понятий.

Но вот о *содержании* этого нового типа господства он высказал немало интересных и ценных мыслей, достойных быть включёнными в теорию *современного* социализма.

Будучи последовательным и твёрдым марксистом, Троцкий начинает свой разговор о своеобразии социально-классовой структуры сталинского государства с известного марксистского тезиса: социальные группы, слои, сословия, классы «характеризуются своим местом в общественной системе хозяйства, прежде всего — своим отношением к средствам производства», отношением к собственности¹⁹.

Ну, и каково же, по мнению Троцкого, отношение к собственности сталинской бюрократии?

Как и при характеристике других социальных признаков сталинской системы, Троцкому приходится прежде всего преодолевать оценки, даваемые идеологами этой системы. То есть – пробиваться к действительной сути социальных явлений через барьеры ложных (можно даже сказать, лживых) понятий и утверждений.

В промышленности, по заверениям официальных идеологов, «почти безраздельно царит государственная собственность на средства производства»²⁰. А «государственная собственность», провозглашает Конституция, — это «всенародное достояние»²¹. То есть «весь народ», все граждане страны – и рабочие, и бюрократия – находятся в равном, одинаковом отношении к собственности. «Рабочий в нашей стране, — цитирует «Правду» Лев Давидович, — не является продавцом товара — рабочей силы. Это — свободный труженик»²². «Под углом зрения собственности на средства производства, по уверениям сталинских пропагандистов, разницы между маршалом и прислугой, главой треста и чернорабочим, сыном наркома и беспризорным, ... не существует»²³.

«Для настоящего времени, — парирует Троцкий, — эта патетическая формула представляет собою недопустимое хвастовство. Передача заводов в руки государства изменила положение рабочего лишь юридически; на деле он оказался вынужден жить в нужде, работая определенное число часов за определенную плату... Рабочие утратили какое бы то ни было влияние на руководство заводом. При сдельной оплате труда, тяжелых условиях материального существования, отсутствии свободы передвижения, при ужасающей полицейщине, проникающей жизнь каждого завода, рабочему трудно чувствовать себя «свободным тружеником». В чиновнике он видит начальника, в государстве — хозяина»²⁴. «Поверхностные «теоретики», — так деликатно называет Троцкий сталинских фальсификаторов, — могут, конечно, утешать себя тем, что распределение благ есть фактор второго порядка по отношению к их производству»²⁵, главный же, по их уверению, фактор, фактор «первого порядка» — это «коллективная собственность» и основанное на ней равенство всех и каждого.

И Троцкий приводит простенький примерчик, наглядно опровергающий оптимистические версии придворных писак: «Если пароход объявлен коллективной собственностью, но пассажиры по-прежнему растасованы между первым, вторым и третьим классами, то ясно, что различие в условиях существования будет иметь для пассажиров третьего класса неизмеримо большее значение, чем юридическая смена собственности. Наоборот, пассажиры первого класса будут, между кофе и сигарой, проповедовать ту мысль, что коллективная собственность — все, а удобная каюта — ничто»²⁶. Какое уж тут «равенство», какое «социальное товарищество»? Здесь просто классовый антагонизм. И «вырастающие отсюда антагонизмы могут взорвать неустойчивый коллектив»²⁷.

И ещё один примерчик, тоже маленький и тоже очень наглядный: «Советская печать, — пишет Лев Давидович, — с удовольствием рассказывала, как мальчик в московском зоологическом саду, получив на свой вопрос: чей этот слон? ответ: государственный, тут же сделал вывод: значит он немножечко и мой. Однако при действительном разделе слона на долю избранных пришлось бы драгоценные бивни, кое-кто полакомился бы слоновой ветчиной, тогда как большинству пришлось бы довольствоваться потрохами или копытами. Обделенные мальчики вряд ли отождествляют государственную собственность со своей»²⁸.

И после таких наглядных «примерчиков» следуют чрезвычайной важности теоретические выводы — о месте и роли, о социально-экономическом и политическом статусе бюрократии в сталинском тоталитарно-бюрократическом социуме.

Да, пишет Троцкий, собственность у нас не «частная», она — «государственная». И «неоспоримо, что марксисты, начиная с самого Маркса, употребляли по отношению к рабочему государству термины государственная, национальная, или социалистическая собственность, как простые синонимы. В больших исторических масштабах такое словоупотребление не заключало в себе особых неудобств. Но оно становится источником грубых ошибок и прямого обмана, когда дело идет о первых, еще необеспеченных этапах в развитии нового общества, к тому же изолированного и экономически отстающего от капиталистических стран». Ибо

сегодня — главный вопрос: кому «принадлежит «государство», кто в нём «хозяин»? Рабочий класс отстранён от влияния на ход государственных дел, «государство «принадлежит» бюрократии»²⁹, пролетарий — не «хозяин», он в большей степени «наёмный работник». Рабочие утратили какое бы то ни было влияние на руководство заводом. При сдельной оплате труда, тяжких условиях материального существования, отсутствии свободы передвижения, при ужасающей полицейщине, проникающей жизнь каждого завода, рабочему трудно чувствовать себя «свободным тружеником». В чиновнике он видит начальника, в государстве — хозяина³⁰.

И далее — важнейшая теоретическая констатация: «Государственная собственность лишь в той мере становится «всенародной» (то есть — социалистической — Г.В.), в какой исчезают социальные привилегии и различия... Иначе сказать: государственная собственность превращается в социалистическую по мере того, как перестает быть (просто — Г.В.) государственной. И... чем выше советское государство (которое «принадлежит» бюрократии — Г.В.) поднимается над народом, чем свирепее противопоставляет себя, как хранителя собственности, народу, как ее расточителю, тем ярче само оно свидетельствует против **социалистического** характера государственной собственности»³¹.

В общем, общество с такой, государственно-бюрократической, формой собственности не может быть названо «социалистическим». Так что же: сталинское общество — новое издание буржуазно-капиталистического общества? И, стало быть, чтобы понять его суть, его социальные и экономические противоречия, надо снова обратиться к «Капиталу» Маркса? Так что же: это общество — традиционного для капитализма противостояния нового «господствующего класса» («бюрократии») и нового пролетариата? И, значит, на повестку дня снова выдвигается задача классовой борьбы против нового угнетения во имя социализма? И для разработки и целей и программы этой борьбы надо снова обратиться к «Государству и революции» Ленина? Нет, всё, по мнению Троцкого, гораздо сложнее и, если так можно выразиться, гораздо интереснее для обновлённой социалистической теории. Хотя, это, сталинское, общество — общество эксплуатации и

классового противостояния, но тут особый, невиданный ранее в истории тип эксплуатации, невиданный ранее тип классового противостояния. «Попытка представить советскую бюрократию, как класс «государственных капиталистов», — пишет Троцкий, — заведомо не выдерживает критики». Вот почему: «У бюрократии нет ни акций ни облигаций. Она вербует, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности. Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления. Она скрывает свои доходы. Она делает вид, будто в качестве особой социальной группы, она вообще не существует. Присвоение ею огромной доли народного дохода имеет характер социального паразитизма. Все это делает положение командующего советского слоя в высшей степени противоречивым, двусмысленным и недостойным, несмотря на полноту власти и дымовую завесу лести»³². Так рождается мысль о возникновении **нового типа антагонистической формации** — **«не капитализм и не социализм»**. И его, это новое формационное образование, надо понять во всём его своеобразии.

Аналогия с капитализмом тут не проходит. Да, тут есть «господствующий класс». Но фундамент и механизмы его господства — иные, чем при капитализме. Да, тут налицо эксплуатация. Но механизм эксплуатации здесь очень своеобразен, он очень отличается от капиталистической эксплуатации. Да, тут отсутствует общественная (общенародная) собственность. Но тут нет и классической частно-капиталистической собственности, этого фундамента власти буржуазного класса. Да, здесь основная масса народа лишена собственности. Но механизмы владения и распоряжения собственностью бюрократическим сословием-классом — иные, нежели владение и распоряжение собственностью классом буржуазии при капитализме.

Иначе говоря, мы (вместе с Троцким) выходим здесь на рубежи новой теории — теории нового, невиданного ещё в истории общества. Общества, в котором социальные отношения, форма

собственности в государстве хотя не имеют частно-капиталистической формы, но не имеют и **«социалистического характера»**. Что же это за строй, что за система? Не капитализм, не социализм. Но тогда – что? Содержательная постановка этого вопроса – и есть «живая вода» наследия Троцкого. С ответом же на этот вопрос – дело у Троцкого обстоит гораздо слабее. Но об этом мы ещё подробно напишем.

Описанное здесь касается своеобразия базиса, экономического фундамента сталинского общества. Но не менее своеобразна и необычна (по сравнению с существовавшими в истории обществами) политическая надстройка, **политическая система** этого общества.

Политическая система сталинизма: диктатура бюрократии и её вождя

Апологеты сталинизма не уставали славить сталинскую политическую систему как «социалистическую демократию», как «торжество социализма». И снова – ложь!

Известно, что в сфере политической: социализм – это народоправство. Можно было бы (для большей ясности) сказать, что «социализм – это демократия». Если, конечно, понимать её так, как понимал её великий американский демократ Авраам Линкольн: «Демократия – власть народа, для народа и посредством народа» (а не так, как предлагает понимать её современная либеральная мысль³³).

Идеологи сталинизма пытались подверстать сталинскую политическую систему под это определение демократии. «У нас невиданный ещё в истории расцвет демократии, и великая сталинская Конституция есть её высочайший символ», — летело со всех высоких и низких трибун. «Конституция – в интересах укрепления социалистического общества – гарантирует свободу слова, печати, собраний и митингов, право объединения в общественные организации, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и тайну переписки» — так записано в этом сталинском Документе. Что же на самом деле «гарантировала»

Сталинская Конституция — достаточно вспомнить волну — настоящий «девятый вал» — репрессий 30-х годов.

Вот впечатляющая справка из современной Википедии, повествующая о «народоправстве» и «демократии» сталинской политической системы:

«Если человека арестовали, то он пропал для всего мира. К виновным никто не допускался: ни родители, ни друзья, ни адвокаты.

После ареста проводили следствие длиной в 10 дней. Следователи должны были любым способом добиться признания. Причем часто причин для обвинения просто не существовало. В этом случае заключенные, пытаясь избавиться от боли во время многочисленных пыток, придумывали несуществующие грехи и нарушения.

Следователи не просто разговаривали с заключенными, а проводили жесткие и долгие пытки..., использовали не только избиения, но и удушения, утопления, битье током, игры с кнутом и пряником, инсценировки расстрела и многое другое.

Когда репрессии коснулись обычного народа, работа следователей стала проще. Большая часть рабочих не могла и дня перенести пыток, поэтому легко рассказывали о своих тайнах. А малограмотные после нескольких угроз сразу ставили подпись в документе.

Каждый раз после подписывания документа, заключенным обещали свободу или работу в трудовом лагере. Но на деле всех виновных, как правило, сразу отправляли на расстрел или в лагерь на длительные сроки.

Председатель КГБ СССР В. А. Крючков в своих выступлениях по телевидению: данные по учёту в КГБ СССР за 1930—1953 гг.: 3 778 234 осуждённых политических, из них 786 098 приговорённых к расстрелу».

Впечатляющая расправа состоялась над делегатами XVII съезда партии (1934 г.). Сталинские борзописцы называли его не иначе, как «Съезд победителей». А в историю он вошел как «Съезд

расстрелянных»: из 1966 делегатов съезда 1108 человек были через несколько лет арестованы и расстреляны как «враги народа». Из общего числа 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранного на XVII съезде, в 1937 году было ликвидировано 97 человек (кроме того, 5 покончили жизнь самоубийством).

А товарищ Сталин высокопарно вещал: «Конституция СССР является единственной в мире до конца демократической Конституцией». И ему, захлёбываясь от восторга, вторила пресса: сталинская конституция определила новые демократические принципы избирательной системы (ввела систему прямых, равных и всеобщих выборов при тайном голосовании) и построения высших и местных органов государственной власти, народ свободно и сознательно выбирает во власть лучших из лучших!

Ложь несусветная! Народ никого не «выбирает». «Выбирают» в кабинетах ЦК и обкомов: на огромных бумажных простынях цеховские чиновники расписывают составы всевозможных государственных органов, Советов всех уровней – от Верховного и областных до городских и сельских. Потом собрания граждан «выдвигают» кандидатов в депутаты – именно тех, кто намечен в этих «простынях» и имена которых им сообщает какой-нибудь партийный функционер. Содержание этих «простыней» затем вывешивается во всех газетах – вот они, выдвинутые «народной волей» кандидаты во власть. Ну, хоть тут-то, хоть из этих тысяч кандидатов люди «выбирают» лучших, по их мнению? Ничего подобного! В каждом округе – **один-единственный** кандидат. И это издевательство, эта насмешка над здравым смыслом называется «выборами» (из одного! кандидата)!

Результаты таких «выборов» — всегда в районе 99% (чуть больше, чуть меньше на десятую балла. По сталинскому округу, естественно, — единогласно, 100%!

Все решения, все постановления так, «всенародно», избранных высших Советов принимаются, конечно же, единогласно. Попробовал бы кто-то (хоть один!) проголосовать «против» или даже воздержаться! Хотя бы одно возражение, хоть бы одно маленькое критическое замечание!

Идёт эта механика сверху до самых низов. На вершине — Политбюро, образец для всех. Действует тут, отмечает Троцкий, «беспощадное правило»: «Политбюро всегда право, и во всяком случае никто не может быть правым против Политбюро». Но и само Политбюро не может быть правым против Сталина, который не может ошибаться и, следовательно, быть правым против самого себя»³⁴.

«С помощью деморализующих методов, превращающих мыслящих коммунистов в машины, убивающих волю, характер, человеческое достоинство, — цитирует Троцкий Раковского, — верхушка успела превратиться в несменяемую и неприкосновенную **олигархию**, подменившую собою класс и партию»³⁵.

Прославляемое журнальными карьеристами «единство партии и народных избранников» основательно подкрепляется и закрепляется благополучием граждан, «избранных» во всякие Советы (читай — кормушки). «Где отдельная комната, достаточная пища, опрятная одежда все еще доступны лишь небольшому меньшинству, — пишет Троцкий, — миллионы бюрократов, больших и малых, стремятся использовать власть прежде всего для обеспечения собственного благополучия. Отсюда *величайший эгоизм* этого слоя, его крепкая внутренняя спайка, его страх перед недовольством масс, его бешеная настойчивость в удушении всякой критики, наконец, его лицемерно-религиозное преклонение перед «вождем», который воплощает и охраняет власть и привилегии новых господ»³⁶.

А на страже «нерушимого единства партии и народа» стоят верные (и тоже щедро подпитываемые из бюджета) лубянские церберы. «ГПУ, — пишет Троцкий, — стало решающим фактором во внутренней жизни партии. Если Молотов в марте 1936 года мог похвалиться перед французским журналистом тем, что правящая партия не знает больше борьбы фракций, то лишь благодаря тому, что разногласия разрешаются ныне в порядке автоматического вмешательства политической полиции»³⁷. Общеизвестно, замечает Троцкий, что «любой гражданин, который вслух выразил бы сомнение в непогрешимости Сталина, был бы осужден, почти наравне с участником террористического заговора?»³⁸.

Такая вот «демократия», такое «народоправство» в сталинском обществе. Вот он «социальный смысл советского Термидора: ...бюрократия стала из слуги общества *господином* его. На этом пути она достигла такой социальной и моральной отчужденности от народных масс, что не может уже допустить никакого контроля ни над своими действиями, ни над своими доходами»³⁹.

«Над всем и всеми неограниченно господствует иерархия партийных секретарей»⁴⁰. «Любой большевик, который потребовал бы созыва съезда партии, в соответствии с ее уставом, был бы немедленно исключен (из партии, а затем, как правило, и «из жизни» — Г.В.)»⁴¹.

И категорический вывод: «**Режим получил «тоталитарный» характер**»⁴², что равнозначно термидорианскому (т.е. контрреволюционному) перевороту, предательству дела Октября. «У нового правящего слоя, констатирует Лев Давидович, — скоро оказались свои идеи, свои чувства и, что еще важнее, свои интересы. Подавляющее большинство старшего поколения нынешней бюрократии *стояло во время Октябрьской революции по другую сторону баррикады* (взять для примера хотя бы только советских послов: Трояновский, Майский, Потемкин, Суриц, Хинчук и проч.) или, в лучшем случае, — в стороне от борьбы. Те из нынешних бюрократов, которые в Октябрьские дни находились в лагере большевиков, не играли в большинстве своем сколько-нибудь значительной роли. Что касается молодых бюрократов, то они подобраны и воспитаны старшими, нередко из среды собственных отпрысков. Эти люди не могли бы совершить Октябрьской революции. Но они оказались как нельзя лучше приспособлены, чтоб эксплуатировать ее»⁴³. Какое тут «народоправство», какая «демократия»? Произошла «жандармеризация» государства, «победа бюрократии над массами»⁴⁴. «Государство советов приняло тоталитарно-бюрократический характер»⁴⁵.

Как это произошло?

Итак, Троцкий отказывается признать сформировавшуюся к 30-м годам сталинскую систему – социализмом. Это совсем не то, о чём мечтали и к чему стремились «большевики-ленинцы» в Октябре 17

года, во имя чего они самоотверженно сражались в тяжёлой и кровопролитной гражданской войне и к чему, казалось, успешно, под руководством Ленина, продвигались в первые послереволюционные годы.

И вот, спустя всего 10-15 лет, — такой итог. Чудовищный!

«Трудно даже обнять мыслью этот контраст! — государство советов приняло тоталитарно-бюрократический характер»⁴⁶. Трудно, но необходимо! И кому, как не ему, одному из главных вождей Октября, одному из главных создателей «государства советов», попытаться объяснить это чудовищное сальто-мортале истории.

Он называет две главные причины этого:

1. Утрата социального лидерства социалистического авангарда пролетариата — того, кто был главным творцом Октябрьской революции и главной опорой движения страны к социализму, начатого после его Октябрьской победы.
2. «Перерождение большевистской партии»

Рассмотрим более подробно его аргументацию.

Утрата социального лидерства социалистического авангарда

«Русский пролетариат, — пишет Троцкий, — совершил в несколько месяцев небывалый в истории скачок от полуфеодальной монархии к социалистической диктатуре, реакция в его собственных рядах неминуемо должна была вступить в свои права. Она нарастала в ряде последовательных волн. Внешние условия и события наперебой питали ее. Интервенции следовали за интервенциями. С Запада прямой помощи не было. Вместо ожидавшегося благополучия в стране надолго воцарилась зловещая нужда. К тому же наиболее выдающиеся представители рабочего класса либо успели погибнуть в гражданской войне, либо поднялись несколькими ступенями выше и оторвались от масс. Так, после беспрецедентного напряжения сил, надежд и иллюзий, наступил длительный период усталости, упадка и прямого разочарования в результатах переворота. Отлив «плебейской гордости» открывал место приливу малодушия и карьеризма. На этой волне поднимался новый командующий слой»⁴⁷.

«Новый командующий слой» — так Троцкий называет растущее сословие «бюрократии». Она начинает теснить слабеющие силы революционно-социалистического авангарда. Делает она это тем более успешно, что значительная часть героев недавнего прошлого постепенно (не отдавая себе в этом отчёт) становятся частью этого нового господствующего сословия. Например, как это ни покажется, на первый взгляд, странным, но, пишет Троцкий, «роль в формировании бюрократии сыграла демобилизация миллионной Красной армии: победоносные командиры заняли ведущие посты в местных советах, в хозяйстве, в школьном деле и настойчиво вводили всюду тот режим, который обеспечил успехи в гражданской войне»⁴⁸, то есть режим приказов и подлежащих безусловному исполнению указаний. «Революционеры» превращаются в «чиновников» — с горечью замечает Троцкий.

Ну, а, главное, у этого «нового господствующего сословия» появилась и своя, всё более расширяющаяся и крепнущая социальная база.

Это — новые, консервативные, слои рабочего класса — бывшие крестьяне, массово переселяющиеся в города и пополняющие ряды фабрично-заводского пролетариата. Для них «социализм» — нечто непонятное, да и не желательное.

Это — и усиливающиеся (на базе нэпа) частно-собственнические, не-социалистические настроения крестьянства в целом. Социальным лидером здесь всё больше становятся богатеющие слои крестьянства. Да, и бедняки, задавленные нуждой, люди невысокой культуры, находятся под прессом деревенских богатеев и вряд ли являются надёжной базой социализма.

Наконец, это — растущий не по дням, а по часам (в условиях огосударствленной значительной части национального богатства) слой «чиновников-управленцев», рассматривающий себя (а не какой-то там «пролетариат») вершителем исторических судеб страны.

«Так со всех сторон массы отстранялись постепенно от фактического участия в руководстве страной»⁴⁹.

«В том же направлении, притом с могущественной силой, действовала международная обстановка. Советская бюрократия становилась тем увереннее в себе, чем более тяжкие удары падали на мировой рабочий класс. Между этими фактами не только хронологическая, но и причинная связь, и притом в обоих направлениях: руководство бюрократии содействовало поражениям; поражения помогали подъему бюрократии. Разгром болгарского восстания и бесславное отступление немецких рабочих партий в 1923 г.; крушение эстонской попытки восстания в 1924 г.; вероломная ликвидация всеобщей стачки в Англии и недостойное поведение польских рабочих партий при воцарении Пилсудского в 1926 г.; страшный разгром китайской революции в 1927 г.; затем еще более грозные поражения в Германии и Австрии, — таковы те исторические катастрофы, которые убивали веру советских масс в мировую революцию и позволяли бюрократии все выше подниматься, в качестве единственного маяка спасения»⁵⁰.

Какое-то время (пока был жив Ленин) революционно-социалистический авангард сдерживал напор не-социалистических социальных сил. И после смерти Владимира Ильича этот авангард ещё пытался и надеялся сохранить социалистическую перспективу развития. «Под знаменем большевиков-ленинцев сплотились десятки тысяч революционных борцов. Передовые рабочие относились к оппозиции с несомненной симпатией»⁵¹. И пытались остановить сползание страны на не-социалистические рельсы. Но силы этой, социалистической, части общества таяли на глазах: «Симпатия эта оставалась пассивной: веры в то, что при помощи новой борьбы можно серьезно изменить положение, у масс уже не было. Между тем бюрократия твердила: «Ради международной революции оппозиция собирается втянуть нас в революционную войну. Довольно потрясений! Мы заслужили право отдохнуть. Мы сами у себя создадим социалистическое общество. Положитесь на нас, ваших вождей!» Эта проповедь покоя тесно спланивала аппаратчиков, военных и штатских, и находила несомненный отклик у усталых рабочих и особенно крестьянских масс»⁵².

Причём, что характерно для позиции Троцкого, он видит в этом движении социальных событий не «случайность», а некоторую

закономерность, диктуемую социально-экономическими условиями той эпохи. По его мнению у «большевиков-ленинцев» не было никаких шансов воспрепятствовать победе бюрократического сословия. Он полагает, что будь жив Ленин, даже он, гениальный революционный стратег, не смог бы противостоять тому, что свершилось. Троцкий, конечно, отдаёт должное Владимиру Ильичу: «Если бы Ленин, — пишет он — прожил дольше, напор бюрократического могущества совершался бы, по крайней мере, в первые годы, более медленно»⁵³. «Более медленно» — только и всего. Но процесс победного шествия бюрократии, по его мнению, был не остановим. «Болезнь и смерть Ленина несомненно ускорили развязку»⁵⁴. «Развязку» — то есть «победу бюрократии». «Ускорили», но сама эта развязка была неизбежна. «Уже в 1926 году Крупская говорила в кругу левых оппозиционеров: «Будь Ильич жив, он наверное уже сидел бы в тюрьме». Опасения и тревожные предвидения самого Ленина были тогда еще свежи в ее памяти, и она вовсе не делала себе иллюзий насчет его личного всемогущества против встречных исторических ветров и течений»⁵⁵. Сразу скажем, не откладывая на «потом», до заключительных комментариев, что здесь мы совершенно не согласны со Львом Давидовичем. И позднее объясним почему. А пока продолжим следить за его логикой.

«Бюрократии, — подводит Троцкий грустный итог своего анализа, — удалось связать по рукам и по ногам пролетарский авангард и раздавить большевистскую оппозицию»⁵⁶. «Бюрократия победила не только левую оппозицию. Она победила большевистскую партию. Она победила программу Ленина, который главную опасность видел в превращении органов государства «из слуг общества в господ над обществом». Она победила всех этих врагов — оппозицию, партию и Ленина — не идеями и доводами, а собственной социальной тяжестью. Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции. Такова разгадка советского термидора. (И снова — забегая вперёд, скажем, что «разгадки», в полной мере, у Льва Давидовича не получилось. Значительная часть «загадки» всё же осталась

осталась неразгаданной. В своих заключительных комментариях мы обязательно объясним, что имеем в виду).

Лев Давидович объяснял (и объяснял весьма глубоко и основательно), как и почему революционно-социалистическая часть российского пролетариата, потерпела поражение, можно даже сказать, катастрофу.

А что же Партия, выкованная Лениным, партия с железной дисциплиной и социалистической устремленностью? Она тоже не смогла воспрепятствовать этому сползанию страны с дороги, ведущей к социализму? Не смогла, свидетельствует Троцкий, она переродилась. Это очень и очень ответственный тезис. Приглядимся внимательно, как Троцкий его обосновывает.

Перерождение партии

Да, то было сложное, противоречивое развитие классовой структуры российского общества в революционное и послереволюционное время. С калейдоскопической быстротой менялись интересы социальных сил, типы их переплетений и столкновений. Особенно важными и значимыми (и одновременно трудными для понимания) были изменения в тех классах, которые совершали революцию и в интересах которых она совершалась – в рабочем классе и крестьянстве.

Но был довольно качественный интеллектуально-политический «механизм» осмысления этих интересов и нахождения способов и форм их сочетания в интересах прогресса (и социализма – в конечном счёте). Таким «механизмом» была возглавляемая Лениным большевистская партия. Её вождь и главный теоретик постоянно изучал меняющуюся динамику интересов, продумывал и предлагал способы их наиболее эффективного разрешения – в целях продвижения российского общества к социализму.

И вот первый шаг на пути к социалистическому будущему сделан: «Октябрьскую победу подготовила и обеспечила большевистская партия. Она же построила советское государство, вправив ему крепкий костяк»⁵⁷.

Новая ситуация требовала новой стратегии. Вождь и теоретик партии напряжённо над ней работал, привлекая лучшие умы

организации, собирая съезды, пленумы, всевозможные собрания и совещания, где шли страстные дискуссии относительно путей дальнейшего развития страны. И принципиальным здесь было то, что все эти, рождавшиеся в дискуссиях, идеи и планы выносились затем на обсуждение **всех** членов партии – дабы вся эта работа не была односторонним движением «сверху-вниз», чтобы, так или иначе, но все партийцы принимали в ней участие. Чтобы процесс не сводился к системе идущих сверху приказов, директив, указаний. Чтобы решения эти принимались не по «приказу», а по убеждению и свободной воле большинства участников. «Партия зорко следила за тем..., чтобы все (члены партии – Г.В.) пользовались действительным правом определять направление партийной политики⁵⁸. А реализация этого права предполагала (и это «составляло неотъемлемое содержание партийной демократии») «свободу критики и идейной борьбы»⁵⁹.

Не может быть эффективной деятельность политической организации без поиска решений, который предполагает сопоставление, столкновение, обсуждение различных точек зрения (конечно, в рамках намеченных партией стратегических задач и целей). А идейные дискуссии, в свою очередь, не могут не сопровождаться созданием групп единомышленников. Не может и не должна «подлинно революционная организация, ставящая себе целью перевернуть мир и собирающая под свои знамена отважных отрицателей, мятежников и борцов, жить и развиваться без идейных столкновений, без группировок и временных фракционных образований»⁶⁰. Утверждение сталинского руководства, пишет Троцкий, что «большевизм не мирится с фракциями, представляет собою миф... На самом деле история большевизма есть история борьбы фракций»⁶¹.

Разумеется, в сложных социальных ситуациях должна соблюдаться определённая мера этой борьбы. «Дальнозоркости большевистского руководства удавалось нередко смягчать столкновения и сокращать сроки фракционной борьбы, но не более того»⁶².

«На эту кипучую демократическую основу, — резюмирует Лев Давидович, — опирался Центральный комитет, из нее он почерпнул смелость решать и приказывать. Явная правота руководства на всех

критических этапах создала ему высокий авторитет, этот драгоценный моральный капитал централизма», «демократического централизма»⁶³.

И вывод: «Режим большевистской партии... представлял, таким образом, полную противоположность режиму нынешних секций Коминтерна, с их назначенными сверху «вождями», совершающими повороты по команде, с их бесконтрольным аппаратом, высокомерным по отношению к низам, сервильным по отношению к Кремлю»⁶⁴.

Хорошо, различие режимов «ленинской» партии и «сталинской» убедительно показано и доказано. Но теперь вопрос вопросов: что же случилось с «партийной демократией» ленинцев, куда канула та «кипучая демократическая основа», которую так хорошо описал Лев Давидович? Как произошёл этот зловещий процесс «перерождения»?

Процесс этот начался исподволь, и поначалу как бы совсем незаметно. Сложное послереволюционное состояние страны потребовало (во имя победы над грозными противостоящими силами), пишет Троцкий, определённого «сужения демократии», отказа от ряда важных демократических принципов. Желательное коллегиальное руководство нередко уступало место единоначалию (в условиях военного и полувоенного времени не до длительных «дискуссий»), ограничивались права и возможности деятельности оппозиционных организаций⁶⁵. И Троцкий не скрывает, что мера эта была «явно противоречащей духу советской демократии». Но при этом, добавляет он, важно отдавать себе отчёт, что в этой мере (и в других, ей подобных) «вожди большевизма видели не принцип, а эпизодический акт самообороны»⁶⁶.

То же – «в марте 1921 года, в дни кронштадтского восстания, вовлекшего в свои ряды немало число большевиков, X-й съезд партии счел себя вынужденным прибегнуть к запрещению фракций»⁶⁷. И снова важное добавление: «Запрещение фракций мыслилось, опять-таки, как исключительная мера, которая должна отпасть при первом серьезном улучшении обстановки»⁶⁸.

В общем, это ещё не «перерождение». Действительное «перерождение» начинается тогда, когда партийное руководство начинает переводить «временную» ситуацию в разряд «постоянных», временные ограничения свобод в ранг ограничений постоянных. «То, что, по первоначальному замыслу, считалось лишь вынужденной данью тяжелым обстоятельствам, пришлось как нельзя более по вкусу бюрократии, которая ко внутренней жизни партии стала подходить исключительно под углом зрения удобств управления»⁶⁹.

Вот этим устремлениям бюрократии, вождём которой всё больше и больше становился Сталин, Ленин и собирался дать бой. «Уже в 1922 году, — пишет Троцкий, — во время короткого улучшения своего здоровья, Ленин ужасался угрожающему росту бюрократизма и готовил борьбу против фракции Сталина, которая стала осью партийного аппарата»⁷⁰. Но, увы, «второй удар и затем смерть не дали ему померяться силами со внутренней реакцией»⁷¹.

Болезнь и смерть Ленина, пишет Троцкий, ускорили развязку — победу бюрократии⁷². «Все усилия Сталина, с которым в этот период идут еще рука об руку Зиновьев и Каменев, направлены отныне на то, чтобы освободить партийный аппарат от контроля рядовых членов партии»⁷³. «Пущена была в оборот для бюрократии теория о том, что в большевизме Центральный комитет — все, партия — ничего»⁷⁴. Зарождался культ аппарата, культ ЦК во главе с его вождём — Иосифом Сталиным. Это непросто было реализовать на практике — в условиях доминирования в партии так называемой «ленинской гвардии» — революционеров, совершивших Октябрьскую революцию, вынесшую на своих плечах все тяготы гражданской войны и первых лет социалистического строительства, и для которых были привычными демократические принципы деятельности. Надо было найти способ резкого ограничения их влияния. И этот способ сталинской бюрократией был найден. Способ, как всегда у сталинцев, лукавый и лицемерный. Выглядел он красиво: «ленинский призыв в партию». «Воспользовавшись смертью Ленина, правящая группа объявила «ленинский набор». Ворота партии, всегда тщательно охранявшиеся, были теперь открыты настежь: рабочие, служащие, чиновники входили в них

массах. Политический замысел состоял в том, чтобы растворить революционный авангард в сыром человеческом материале, без опыта, без самостоятельности, но зато со старой привычкой подчиняться начальству. Замысел удался. Освободив бюрократию от контроля пролетарского авангарда, «ленинский набор» нанес смертельный удар партии Ленина. Аппарат завоевал себе необходимую независимость. Демократический централизм уступил место бюрократическому централизму. В самом партийном аппарате производится теперь, сверху вниз, радикальная перетасовка. Главной доблестью большевика объявляется послушание. Под знаменем борьбы с оппозицией идет замена революционеров чиновниками. История большевистской партии становится историей ее быстрого вырождения⁷⁵.

И завершающее категорическое (и одновременно – трагическое) резюме: «Старая большевистская партия мертва, и никакие силы не воскресят её»⁷⁶.

Итак, торжествует тоталитарный принцип: «партия – ничто, аппарат – всё». Но это лишь первый шаг «перерождения». За ним следует второй: «Параллельно с политическим вырождением партии шло моральное загнивание бесконтрольного аппарата»⁷⁷.

От диктатуры «аппарата» к диктатуре его вождя

«Аппарат» — это привилегированное сообщество бюрократии, неподконтрольное рядовым членам партии (о неподконтрольности обществу, народу тут уж и нечего говорить – разумеется само собой). Это наглухо закрытый орден повелителей, со своим негласным уставом и со своими аппаратно-бюрократическими принципами поведения. Тут «над всем и всеми неограниченно господствует иерархия партийных секретарей. Режим получил «тоталитарный» характер», — пишет Лев Давидович и добавляет, цитируя Раковского: «С помощью деморализующих методов, превращающих мыслящих коммунистов в машины, убивающих волю, характер, человеческое достоинство, верхушка успела превратиться в несменяемую и неприкосновенную олигархию, подменившую собою класс и партию»⁷⁸.

Оригинально (и точно) выразил суть бюрократии народнический публицист XIX века Н. К. Михайловский: «Русская бюрократия, если смотреть на неё снизу вверх – восходящая лестница бар, если сверху вниз – нисходящая лестница лакеев». Такая вот бюрократическая субординация! Добавить бы только к этому – что на самом верху этой лестницы располагается абсолютный Господин всего этого бюрократического семейства, по отношению к которому все его члены – полные и абсолютные рабы. Это и фиксирует Троцкий: Тут «беспощадно» «действует ныне правило, согласно которому Политбюро всегда право, и во всяком случае никто не может быть правым против Политбюро. Но и само Политбюро не может быть право против Сталина, который не может ошибаться и, следовательно, быть правым против себя самого»⁷⁹.

И снова – Раковский, с которым Троцкий полностью солидаризируется: «В представлениях Ленина и во всех наших представлениях задача партийного руководства заключалась именно в том, чтобы предохранить и партию и рабочий класс от разлагающего действия привилегий, преимуществ и поблажек, присущих власти, от сближения ее с остатками старого дворянства и мещанства, от развращающего влияния НЭП, а, от соблазнов буржуазных нравов и их идеологии... **Нужно сказать откровенно, отчетливо и громко, что эту свою задачу партийный аппарат не выполнил, что в этой своей двойной охранительной и воспитательной роли он проявил полную неспособность, он провалился, он обанкротился**»⁸⁰. Добавим только, что «провалился» он в качестве демократически-социалистического аппарата. И высоко поднялся в качестве бюрократического «командующего слоя».

Подведём первые итоги проведённого Троцким анализа. Что же показал и убедительно доказал Лев Давидович?

1. По размеру неравенства СССР не только догнал, но и далеко перегнал капиталистические страны (см. с.4 данной статьи);
2. «Привилегированное (чиновно-бюрократическое) меньшинство... живёт за счёт обделённого большинства», происходит «возрождение самой варварской эксплуатации человека (с.5);

3. «Огосударствление», «национализация» изменили положение рабочего лишь юридически, на деле он не хозяин, а наёмной работник, как в любом эксплуататорском обществе, и вынужден жить в нужде, работая определённое число часов за определённую плату»; в чиновнике он видит начальника, в государстве – хозяина» (с.9).
4. Собственность в стране – «государственная», но рабочий класс отстранён от влияния на ход государственных дел; «государство «принадлежит» бюрократии», стало быть, реально – это бюрократическая собственность (10).
5. Политическая система: диктатура бюрократии и её вождя (11), режим получил «тоталитарный характер» (с. 14).
6. «Верхушка превратилась в несменяемую и неприкосновенную олигархию»; олигархическая бюрократия – новый господствующий класс (с.14).
7. «Бюрократии удалось связать по рукам и ногам пролетарский авангард и раздавить большевистскую оппозицию» (с.18).
8. Произошло «перерождение партии»; «старая большевистская партия мертва, и никакие силы не воскресят её» (с.21).
9. И из всего этого вывод: **«в СССР социализма ещё нет и в помине».**

Вот такова нарисованная Троцким картина сталинского общества, и нарисована она ярко, в высшей степени доказательно и убедительно.

А теперь вопрос, традиционный и обязательный вопрос для революционного марксиста: **что делать** в этих условиях сторонникам социализма?

Что делать?

Думается, после всего сказанного ответ революционного марксиста может быть только один: готовить революцию и готовиться к ней. И, кажется, что Троцкий так и отвечает на вопрос «что делать?». «Советская бюрократия, — пишет он, — не сдаст без боя своих позиций. **Развитие явно ведёт на путь революции»**⁸¹.

Но затем, когда мы начинаем вчитываться – о **какой** революции он ведёт речь, то наше восхищение теоретическим талантом Льва Давидовича постепенно начинает угасать. Оказывается, по мнению Льва Давидовича, речь должна идти не о «социальной» революции, изменяющей всю систему социальных отношений, устраняющей бюрократическую форму собственности и заменяющую её общенародной, а всего лишь о некой «политической революции, то есть об изменениях лишь в верхних этажах политической надстройки (что строго говоря, и «революцией» нельзя назвать). Нужно, иначе говоря, нечто вроде «политического переворота»⁸².

И всё, оказывается, потому, что возникшая сталинско-бюрократическая система есть некое «переходное» (от капитализма к социализму) социальное образование, содержащее в себе как государственно-бюрократические, так и народно-социалистические черты, и что в нём идёт противостояние и борьба государственной бюрократии и социалистических сил. Оказывается, Октябрьская революция «ещё не опрокинута», она всего лишь «предана правящим слоям»⁸³. И говорить о «полной ликвидации социальных завоеваний пролетарской революции» — «преждевременно»⁸⁴. И «пролетариат ещё не сказал своего последнего слова»⁸⁵. Более того, ещё существует «государственная собственность» (которую Троцкий в данном контексте практически отождествляет с «общенародной»), которую «защищает» бюрократия, и этой стороной своей деятельности она (бюрократия) всё ещё остаётся (о, ужас, до чего договаривается Троцкий!) орудием диктатуры пролетариата». «Бюрократия», которую так костил Лев Давидович, вдруг становится у него «орудием диктатуры пролетариата». Это просто невозможно читать! И дальше – нечто в этом же роде: «бонапартистская», тоталитарная диктатура бюрократии, оказывается, покоится на «фундаменте рабочего государства»⁸⁶. А «окончательная физиономия рабочего государства должна определиться изменяющимся соотношением между его буржуазными и социалистическими тенденциями»⁸⁷.

Всё это, повторяю невозможно читать, ибо это напрочь перечёркивает то, что писал Лев Давидович ранее, и о чём, цитируя Троцкого, писали мы в первой части статьи.

Мне кажется, я понимаю причину такого кричащего противоречия, такого невероятного теоретического парадокса. Один из главных творцов великого деяния – Октябрьской революции – не в состоянии ни душой, ни сердцем, ни мыслью смириться с тем, что они, «большевики-ленинцы», потерпели такое страшное фиаско. Не может смириться с мыслью, что закончилась крахом их такая благородная, такая самоотверженная деятельность – в предреволюционные и революционные годы, в эпоху тяжелейшей, но победоносной гражданской войны, в первые сложные годы послереволюционного социалистического строительства. Он не в состоянии смириться с мыслью, что на смену яркому, талантливому, самоотверженному Октябрьскому поколению большевиков пришли к власти чиновники, люди низкого культурного и морального уровня, карьеристы и приспособленцы, которые в Октябре либо не принимали никакого участия, либо занимали скромные третьестепенные должности, либо были даже по ту сторону красных баррикад (вроде Вышинского, Майского и им подобных).

Он хочет убедить себя и убедить других, что их дело ещё не пропало, что оно продолжает жить, что социалистический Октябрь «живёт ещё в отношениях собственности и в сознании трудящихся» и что «дальнейшее развитие накопившихся противоречий может привести... к социализму»⁸⁸ (впрочем, добавляет: фифти-фифти – может и «отбросить назад к капитализму»⁸⁹). Но, как бы там ни было, преобразование этого «переходного общества» в социализм не исключено. «Вопрос о характере СССР» сегодня и о будущем страны «ещё не решён историей»⁹⁰.

Как же такой психологический (хотя, как мы сказали, и вполне понятный) настрой может погубить прежнее ясное понимание ситуации! В итоге происходит не прояснение общественного сознания, а его затемнение.

И на место строгой и точной научной констатации приходит какая-то теоретическая муть, какие-то розовые мечтания, этакие «сны Веры Павловны» — о возможности светлого социалистического будущего, для которого в «переходном», сталинском, государстве имеются несомненные предпосылки. И Лев Давидович начинает

даже подробно расписывать «основные элементы программы, ясные уже сейчас... как объективный выход из противоречий советского (то есть нынешнего, сталинского – Г.В.) режима»⁹¹.

Вот намеченные Троцким основные пункты программы высвобождения социализма из «переходного» сталинского общества

1. Бюрократическое самовластье должно уступить место советской демократии.
2. Восстановление права критики и действительной свободы выборов.
3. Восстановление свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов.
4. Радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся.
5. Свободное обсуждение хозяйственных проблем, которое снизит накладные расходы бюрократических ошибок и зигзагов.
6. Дорогие игрушки — Дворцы советов, новые театры, показательные метрополитены — потеснятся в пользу рабочих жилищ.
7. «Буржуазные нормы распределения» будут введены в пределы строгой необходимости, чтоб, по мере роста общественного богатства, уступить место социалистическому равенству.
8. Чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель.
9. Молодежь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать.
10. Наука и искусство освободятся от оков.
11. Внешняя политика вернется к традициям революционного интернационализма⁹².

Вот такой «сон» приснился Льву Давидовичу. Но через несколько страниц приходит пробуждение. И, посмотрев уже незамутнённым, утратившим розовый флёр взором на реальность, он даёт задний ход и объявляет, что вообще-то гораздо более вероятен другой вариант эволюции этого «переходного периода»: «в порядок дня

станет скорее буржуазная контрреволюция, чем восстание рабочих против бюрократии»⁹³.

И всё же не может революционный романтик смириться с поражением. Перекрыты пути к социализму на национальной арене? Ну, что же? Зайдём с другого конца – с международного. И начинается новая сказка: «Если... пролетариат Западной Европы проложит себе дорогу к власти, откроется новая глава и в истории СССР. Первая же победа революции в Европе пройдет электризирующим током через советские массы, выправит их, поднимет дух независимости, пробудит традиции 1905 и 1917 годов, подорвет позиции бонапартистской бюрократии и приобретет для Четвертого Интернационала не меньшее значение, чем Октябрьская революция имела для Третьего. **Только на этом пути первое рабочее государство будет спасено для социалистического будущего»⁹⁴.**

Вот, оказывается, как: «Только на этом пути» будет спасено социалистическое будущее России! И, значит, все нарисованные прежде картины победоносной национально-российской социалистической революции – не более, чем утопические мечтания? Видимо, так.

Но, отказываясь от одной революционной грёзы, наш революционно-романтический автор тут же рисует другую: поднявшийся на революцию западный пролетариат спасёт дело социализма в мире вообще и в России, в частности. Наивность этого нового оптимизма выявила вся последовавшая история: никаких социалистических революций в капиталистическом мире, как известно, не произошло. И «рабочее государство» (придуманное Троцким) так и не было «спасено для социалистического будущего...

Дорогой Лев Давидович, знаете что: поскольку уж речь зашла о «грёзах» и «снах», то пусть и мне приснится – будто Вы пришли ко мне в гости (спасибо, это для меня большая честь!). Мы садимся с Вами на мой старенький, издавший виды, но очень уютный диванчик, зажигаем мягкий свет настольной (с бордовым абажуром) лампы и начинаем задушевную, дружескую (не без некоторых

взаимных упрёков) беседу. Мне прискучило говорить о Вас в третьем лице, как-то очень уж официально получается...

Я начал бы наш разговор со слов глубокого к Вам уважения – за всю Вашу деятельность, за революционную гордость, которой дышат все Ваши сочинения, за честный и убедительный анализ сталинской системы, принесшей так много бед нашему с Вами любимому и многострадальному Отечеству.

А потом я хотел бы перейти, как это принято у нас, марксистов, к полемике. Назначение которой я вижу в стремлении через взаимную критику пробиваться к истине. Я отдаю себе отчёт, что сегодня мы с Вами находимся, увы, в разных мирах. И Вы лишены возможности непосредственно ответить мне. Но ведь и сегодня существуют Ваши единомышленники, они идут по Вашей колее (иногда даже не осознавая этого). И, надеюсь, они постараются мне за Вас ответить.

Так вот, дорогой Лев Давидович, мне показалось, что Вы, анализируя сталинскую систему, глубоко, основательно, ярко описывая то, что **есть**, как-то не очень внятно объясняете, **почему** это печальное «есть» возникло и что надо делать, чтобы изменить эту печальную историческую ситуацию, в которой, начиная с 30-х годов, оказалась наша с Вами страна.

Вы блистали, когда рядом с Вами шёл человек, который умел всё это делать – раскладывая по теоретическим полочкам возникающие исторические ситуации, формулировать присущие им противоречия и ясно отвечать на вопрос «что делать?» — как эти противоречия можно разрешить в интересах трудящихся, в интересах движения страны по пути социального прогресса.

Это было счастливое, судьбоносное для Вас решение – когда, после многих лет споров (иногда очень ожесточённых) с этим человеком, Вы летом 17-го года пришли к решению встать с ним рядом и под его руководством творить великое революционное дело.

Ну, понятно – это я о Владимире Ильиче.

А когда он ушёл из жизни, мне кажется, Вы растерялись – тот теоретический и политический фундамент, который создал Ленин и

на котором дружно и стойко Вы с ним стояли, начал уходить из-под Ваших ног.

Так, Ваш анализ происхождения сталинщины начисто лишён **самокритики**. Он очень, так сказать, объективистский, наполнен фатализмом. Вы хорошо описываете историческую логику, закономерности, приведшие к сталинизму. Но ничего не говорите о том, можно ли было и как избежать этой «логики», как передвинуть события на рельсы другой, более симпатичной для страны логики. Вот обратите внимание, как это было у Ленина.

Он в своих последних работах выявляет и описывает те социальные тенденции, которые грозят сдвинуть общество с дороги, ведущей к социализму. И тут же намечает, разрабатывает программы, как эти тенденции можно переломить. Один его НЭП чего стоит!

Какой смелостью, какой уверенностью надо обладать, чтобы написать такое: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»⁹⁵ (6 января 1923 года, статья «О кооперации»). Именно здесь, в этом тезисе, — главный итог его размышлений, анализирующих практику Октября и первых лет послеоктябрьского развития. И Ленин сам приступил к этому «коренному» пересмотру, положив начало новой теории общественного развития, новой концепции общественного строя, идущего на смену капитализму. Движение к социализму через НЭП, через использование рынка, через взаимодействие и борьбу социалистических и капиталистических тенденций, их сотрудничество и соперничество — которое даст толчок экономическому развитию и которое, в конечном итоге, принесёт победу социализму.

НЭП разрушал экономически бесперспективную диктатуру военного коммунизма и создавал экономическую **демократию**, которая имеет все шансы спасти страну от гибельного пути, симптомы которого ещё только-только появлялись (и которые, лишённые противодействия ушедшего Ленина и его сторонников, расцвели пышным цветом в период сталинского правления).

Ленин видел, как крепнет, ширится, поднимается всё выше и выше бюрократическая волна и спешил разработать способы, как можно

эту волну остановить, не дать ей затопить ростки нарождающегося социалистического общества.

И отсюда – грозное ленинское пророчество относительно опасности бюрократизма: «Если что нас погубит, то это»⁹⁶, потому что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ», и «от этого врага мы должны очиститься»⁹⁷. Задолго до сталинщины Ленин по самым первым симптомам видел эту зловещую цепочку становления авторитарно-бюрократической системы: диктатура пролетариата перерастает (в силу малочисленности и деклассированности российского пролетариата) в диктатуру партии, та, в свою очередь, — в диктатуру ЦК, диктатура ЦК – в диктатуру Политбюро, и, наконец, на вершине этой диктаторской вертикали — непререкаемый Авторитет, вождь-диктатор. Ленин, повторяю, видел эту, чрезвычайно опасную, душащую инициативу масс, социальную болезнь – бюрократизм (которая сродни раковой опухоли). И самоотверженно искал от неё эффективных лекарств. «Я советовал бы очень предпринять ...ряд перемен в нашем политическом строе, — взволнованно писал он в «Письме» к XII съезду партии. – Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными»⁹⁸. И он разрабатывает масштабный план демократических политических реформ, которые, по его замыслу, будут непреодолимым барьером для захвата власти бюрократией.

Вы пишете, что в сталинском государстве Ленину бы не сдобровать, и вспоминаете слова Крупской, что в этом государстве Ленин бы оказался в тюрьме. Да, наверное, это так. Но всё дело в том, что, будь жив Ленин, я уверен, не было бы такого государства. И такого генсека, как Сталин, тоже не было бы.

Ведь сами Вы пишете, что Ленин готовился дать бой этому кандидату в Диктаторы. Это он в знаменитом своём письме-завещании съезду требовал убрать Сталина с поста генсека.

А ведь Вы, Лев Давидович, не приложили особых усилий, чтобы выполнить это указание Ленина. Промолчали, когда решался этот вопрос. Уж я думаю, не трусили ли Вы, видя, что остаётесь в меньшинстве, чуть ли не в одиночестве после предавших ленинский

наказ Зиновьева и Каменева. Впрочем, нет, извините, «трусить» — это не в Вашем характере. Ну, тогда, почему, почему промолчали?

Давайте вспомним эту судьбоносную сцену, описанную её очевидцем Б.Г. Бажановым (секретарём Политбюро, с 1923 по 1927 гг и «личным секретарём» Сталина):

«Каменев открыл заседание и прочитал ленинское письмо. Воцарилась тишина. Лицо Сталина стало мрачным и напряженным. Согласно заранее выработанному сценарию, слово сейчас же взял Зиновьев.

«Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон. Не раз мы клялись исполнить то, что нам завещал Ильич. И вы прекрасно знаете, что эту клятву мы выполним. Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались. Все мы были свидетелями нашей общей работы в течение последних месяцев, и, как и я, вы могли с удовлетворением видеть, что то, чего опасался Ильич (раскола – Г.В.), не произошло. Я говорю о нашем генеральном секретаре... Зиновьев предложил переизбрать Сталина Генеральным секретарем. Троцкий тоже молчал, но изображал энергичной мимикой свое крайнее презрение ко всей этой комедии.

Каменев со своей стороны убеждал членов ЦК оставить Сталина Генеральным секретарем. Сталин по-прежнему смотрел в окно со сжатыми челюстями и напряженным лицом. Решалась его судьба»⁹⁹.

Вот! Вот он один из решающих, один из поворотных пунктов в нашей истории. Решалась не просто судьба Сталина. Решалась судьба страны! Тут одной «мимики» (пусть даже и презрительной) недостаточно.

«Так как все молчали (и Вы, Лев Давидович, в том числе – Г.В.), — то Каменев предложил решить вопрос голосованием... Большинство голосовало за оставление Сталина»¹⁰⁰. Да вроде бы Вы лично проголосовали против. Но – молча. Молча, Лев Давидович! Вы не бросили свой авторитетный голос, свой, тогда ещё высочайший, авторитет на чашу колеблющихся исторических весов...

И ещё, Лев Давидович. Мне кажется, Вы недооценили великого исторического значения ленинского НЭПа – этого магистрального пути, на котором можно было бы избежать сталинизма. Вы очень порадовались, когда Сталин в конце 20-х годов похоронил НЭП. И не поддержали Бухарина, который прилагал массу усилий, чтобы отстоять намеченную Лениным нэповскую стратегию развития. Вы тогда сказали просто ужасную фразу: «Со Сталиным против Бухарина? Да. С Бухариным против Сталина? Никогда». Вы, по сути, поддержали антинэповскую стратегию Сталина, что блистательно выявил Бухарин в своей статье 1928 года «Заметки экономиста». Так что ряд ступенечек, по которым поднимался к власти будущий диктатор, соорудили, Лев Давидович, и Вы.

И насчёт необходимости демократизации партийной и общественной жизни. Вы в «Преданной революции» пишете о том, что приснопамятное недемократическое решение X съезда о запрете фракционной деятельности (по сути, инакомыслия) не было «принципом» для «большевиков-ленинцев». Это-де было «временное» решение, вызванное сложными обстоятельствами, в которых оказалась страна. И предполагалось-де со временем отменить это решение. Лев Давидович, я внимательно читал все Ваши выступления и статьи того периода и нигде я не встретил у Вас упоминания об этой «временности» (о которой ясно и внятно очень нужно было бы сказать тогда).

Вот и о партии Вы хорошо написали в «Преданной революции»: нельзя партию превращать в «идола», которому всегда и во всём надо поклоняться. Нельзя считать все решения партийных съездов абсолютной истиной и не допускать возможности их критики. Партия не божество, она может ошибаться, но у неё есть демократический механизм исправления выявляемых практикой ошибок. Это всё очень правильно. Но вспомните, что Вы сказали в мае 1924 года, на XIII съезде партии: «Партия в последнем счёте всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату... Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не

создала»¹⁰¹. Согласитесь, Лев Давидович, что товарищ Сталин подписался бы тут под каждым Вашим словом!

А говорю я это всё к тому, что не такой уж фатальной неизбежностью была победа сталинизма. Её можно было, я в этом уверен, не допустить. Вот об этих упущенных возможностях, которые могли бы послужить уроками на будущее, и хотелось бы, чтобы Вы самокритично написали. Это было бы советом, завещанием поколению социалистов, принимавших от Вас с Ильичом эстафету.

Это – по поводу возникновения сталинской социальной системы.

Но вот, как бы там ни было, она-таки возникла, укоренилась в жизни – с помощью идеологического террора и жесточайших репрессий по отношению к её критикам. Я не думаю, что это был какой-то «переходный период» к социализму. «Переходным был период во времена Ленина и в первые пять лет после его ухода. Тогда, действительно, была борьба-соревнование двух тенденций: бюрократической и социалистической. Причем социалистическая, благодаря ленинскому руководству, доминировала. И её шансы на победу были достаточно велики. К началу же 30-х годов эта «переходность» угасала, а к середине 30-х и вовсе угасла. Вы, по сути, сами зафиксировали это, говоря о «перерождении партии»: «Старая большевистская партия, — написали Вы, — мертва, и никакие силы не воскресят её». Зафиксировали Вы и уход с общественной арены социалистически ориентированных слоёв рабочего класса, этой социальной базы социализма.

Это же совсем другая ситуация по сравнению с эпохой Ленина! Здесь надежды на возможность доминирования социалистических сил практически не осталось. Альтернатива была (и Вы об этом писали!) только вот какая: либо долговременное господство бюрократического (этого не-социалистического или прямо анти-социалистического) сословия, либо буржуазная контрреволюция. Так что, думаю, с идеей «переходности» следовало бы раз и навсегда попрощаться...

Кажется, Лев Давидович, мой критический монолог чересчур затянулся. Каюсь, немного нарушил правила гостеприимства. Надо

остановиться. Тем более, что Вы, по весьма уважительной причине, не в состоянии мне ответить. Может, немного извиняет меня то обстоятельство, что в первой половине статьи я воздал Вам должное. Вот и сейчас, перед тем, как мы расстанемся, я замечу, что «живая вода» Ваших идей намного превышает «воду мёртвую». И особенно этот главный вывод, который Вы сделали в заключение Вашего анализа – то, что в ближайшей перспективе скорее всего не социализм победит бюрократическую систему, а буржуазная контрреволюция.

Вы были Пророком! Так и получилось – полвека спустя после Вашей «Преданной революции».

* * *

Заключение

Так что же всё-таки, по мнению Троцкого, представляет собой сталинская система?

Историческая обречённость этой системы Троцким, в общем-то, доказана. И в этом его несомненная историческая заслуга.

Но что касается сущности этой системы и способа её преодоления, тут у Льва Давидовича, по сути, два варианта ответа.

Первый: это – «переходный период» от капитализма к социализму, в котором существуют и противоборствуют буржуазно-бюрократическая и социалистическая тенденции.

И второй ответ: это никакой не «переходный период», а сложившаяся и укоренившаяся в жизни система господства бюрократического сословия. Противостоявшие когда-то ему социалистические тенденции к 30-м годам угасли. Партия, напомним ещё раз знаменитый тезис Троцкого, «старая большевистская партия мертва и никакие силы её не воскресят». И социалистический слой рабочего класса (который был социальной базой социалистического строительства), практически сошёл с общественной арены.

А отсюда следуют два разных типа рекомендаций – каковы задачи и что делать социалистам в данных условиях.

Если вы склоняетесь к первому варианту – варианту «переходного периода», сохраняющего целый ряд завоеваний Октября и социалистических тенденций, то ваша программа преобразований будет связана с поддержкой и постепенным расширением и усилением социалистического сектора «переходного общества». А такое усиление может со временем привести к гегемонии социалистических настроений в обществе. А гегемония эта даст возможность мирного перехода к социалистическому общественному строю. В случае же активного сопротивления бюрократии такому переходу может понадобиться «революция». Но революция не «социальная» (Октябрьского типа), а сугубо политическая, затрагивающая лишь надстроечные отношения. Потому что созданные в результате Октябрьской революции базисные, экономические отношения (связанные с национализацией средств производства и плановостью экономики) в «переходном обществе» будто бы сохраняются.

Если же вы в своих оценках сталинской общественной системы склоняетесь ко второму варианту – варианту победившей и упрочившейся диктатуры бюрократии (уничтожившей все более или менее значимые социалистические ростки и тенденции), то для постепенной эволюции в направлении социализма тут места не остаётся. Тем более, согласно этому варианту, в обществе отсутствуют влиятельные социальные и политические силы, способные подвигать общества в этом направлении. Значит?

Значит, согласно Троцкому, надо оставить надежды на движение к социализму, осуществляемое национальными силами, и рассчитывать на победу социалистической революции в западных странах, за которой потянутся и угнетённые социальные силы России.

Второй вариант, связанный с отрицанием «переходного» характера российского общества в тот период, конечно, ближе к истине. Но вот даваемые Троцким рекомендации по его преобразованию – пассивное ожидание зарубежных революций – совершенно неприемлемы для революционеров-социалистов. Надо искать и принимать решения, исходя, прежде всего, из национальных возможностей (при учёте, конечно, мирового контекста).

Нужно, таким образом, взять «живую воду» концепции Троцкого – его второй вариант характеристики сталинской системы, отбросить мертвечину предлагаемых решений, связанных с ожидаемой революцией на Западе. И выработать реалистическую программу преобразования бюрократического общества в социалистическом духе.

Я бы пока ограничился только постановкой этой задачи, памятуя известную истину: «Правильная постановка вопроса – это уже половина его решения».

Варианты этих решений, которые предлагали социалистические теоретики России в следующих («после Троцкого») периодах, мы рассмотрим и дадим комментарии к ним в следующей статье, где речь пойдёт о социалистах-шестидесятниках и демократических социалистах эпохи перестройки и начала XXI века.

Литература

[1](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 211-212.

[2](#) Там же. С. 210-211.

[3](#) Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 6.

[4](#) Там же. С. 98.

[5](#) Там же. С. 106.

[6](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 222-223.

[7](#) Там же. С. 225-226.

[8](#) Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С.120.

[9](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 206.

[10](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 221.

[11](#) Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 99.

[12](#) Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 100.

[13](#) Там же. С. 101.

[14](#) Там же. С. 102.

[15](#) Там же. С. 102.

[16](#) Там же. С. 114.

- [17](#) Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 118-119.
- [18](#) Там же. С. 120.
- [19](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 229
- [20](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 217.
- [21](#) Там же. С. 219.
- [22](#) Там же. С. 223.
- [23](#) Там же. С. 221.
- [24](#) Там же. С. 223-224.
- [25](#) Там же. С. 221.
- [26](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 221-222.
- [27](#) Там же. С. 222.
- [28](#) Там же.
- [29](#) Там же. С. 230
- [30](#) См. Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 223-224.
- [31](#) Там же. С. 220.
- [32](#) Там же. С. 230-231.
- [33](#) **Р. Дарендорф:** «Демократия не “правление народа”, такого на свете просто не бывает. Демократия — это правительство, избираемое народом, а если необходимо — то народом и смещаемое». **Й.Шумпетер:** «Свободный и суверенный народ обладает в политике весьма ограниченными функциями. Рядовые граждане лишь избирают промежуточный институт, который впоследствии формирует правительство, а затем полностью отстраняются от управления. Демократия — это форма правления **при посредстве** народа, форма осуществления власти профессиональными политиками. Это механизм, позволяющий рядовым гражданам определять состав руководства социальной структурой, а руководству — легализовывать свою власть. Это **правление с согласия народа**».
- [34](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 203-204.
- [35](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 204.

- [36](#) Там же. С. 117-118.
- [37](#) Там же. С. 204.
- [38](#) Там же. С. 211.
- [39](#) Там же. С. 215.
- [40](#) Там же. С. 204.
- [41](#) Там же. С. 211.
- [42](#) Там же. С. 204.
- [43](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. М., 2005. С. 199.
- [44](#) Там же. С. 210.
- [45](#) Там же. С. 211.
- [46](#) Там же. С. 211.
- [47](#) Троцкий Лев. Перманентная революция.. С. 196.
- [48](#) Там же.
- [49](#) Там же.
- [50](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 196-197.
- [51](#) Там же. С. 198.
- [52](#) Там же.
- [53](#) Там же. С. 199.
- [54](#) Там же.
- [55](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 236.
- [56](#) Там же. С. 236.
- [57](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 200.
- [58](#) Там же.
- [59](#) Там же.
- [60](#) Там же.
- [61](#) Там же.
- [62](#) Там же.
- [63](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 200.
- [64](#) Там же. С. 200-201.

[65](#) «Демократия сжималась по мере того, как нарастали трудности. Первоначально партия хотела и надеялась сохранить в рамках советов свободу политической борьбы. Гражданская война внесла суровую поправку в эти расчеты. Оппозиционные партии были запрещены одна за другой». Там же. С. 200.

[66](#) Там же. С. 201.

[67](#) Там же.

[68](#) Там же.

[69](#) Там же. С. 201-202.

[70](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 202.

[71](#) Там же.

[72](#)

[73](#) Там же. С. 202.

[74](#) Там же.

[75](#) Там же. С. 202-203.

[76](#) Там же. С. 204.

[77](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 204.

[78](#) Там же. С. 204.

[79](#) Там же. С. 203-204.

[80](#) Там же. С. 205.

[81](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 248.

[82](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 248: «Революция, которую бюрократия подготавливает против себя, не будет социальной, как Октябрьская революция 1917 г.: дело не идет на этот раз об изменении экономических основ общества, о замене одних форм собственности другими»; «низвержение бонапартистской касты будет, разумеется, иметь глубокие социальные последствия; но само по себе оно укладывается в рамки политического переворота».

[83](#) Там же. С. 232.

[84](#) Там же. С. 230.

- [85](#) Там же.
- [86](#) Там же. С. 240.
- [87](#) Троцкий Л. Преданная революция. С. 49.
- [88](#) Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 235.
- [89](#) Там же.
- [90](#) Там же. С. 232.
- [91](#) Там же. С. 249.
- [92](#) См.Троцкий Лев. Перманентная революция. С. 249-250.
- [93](#) Там же. С.250.
- [94](#) Там же.
- [95](#) Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.
- [96](#) Там же. Т. 54.С. 180
- [97](#) Там же. Т. 45. С. 15.
- [98](#) Там же. С. 343.
- [99](#) См. Бажанов Борис. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Санкт-Петербург, 1992. Гл. 7.
- [100](#) Там же.
- [101](#) XIII съезд ВКП(б). Стенограмма. М., 1963. С. 158.

г.Москва 2022 год